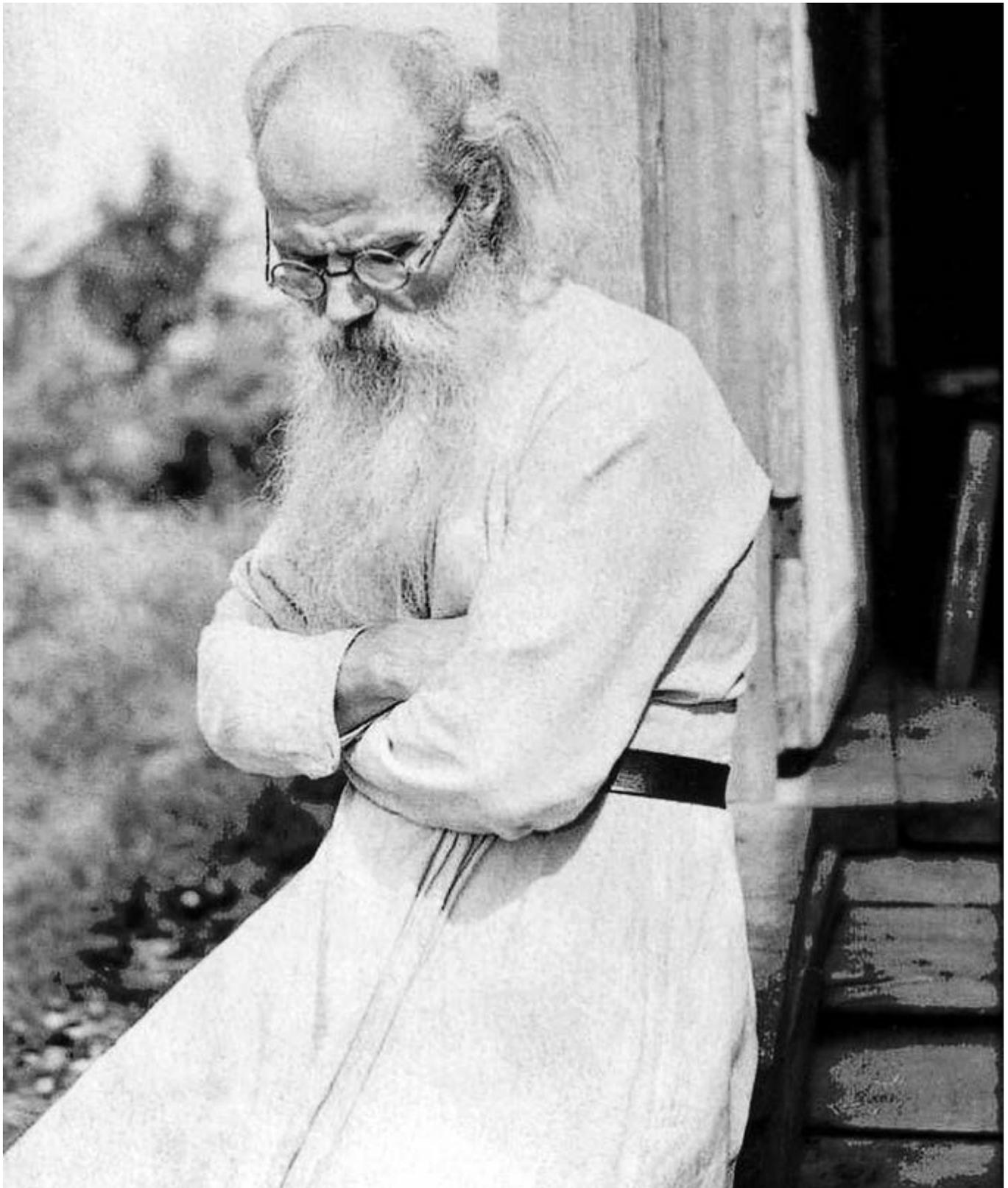

А. И. ОСИПОВ

Даруй мне всю жизнь служить Тебе!..

ИГУМЕН НИКОН (ВОРОБЬЕВ) И ЕГО ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

...Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.

Мф. 13, 45–46

Поминая наставников наших, более всего следует говорить об их вере, трудах и подвигах в искании Царства Божия, чтобы, взирая на кончину их жизни, подражать вере их (Евр. 13, 7).

Прошло 130 лет со дня рождения и более полувека после кончины подвижника веры игумена Никона (Воробьева; 1894–1963). Монах, священнослужитель, узник сталинских лагерей, духовный писатель, отец Никон оставил богатое эпистолярное наследие. Многие его рассуждения опередили свое время и не теряют актуальности и сегодня.

Детство

Игумен Никон (в миру Николай Николаевич Воробьев) родился 22 мая 1894 года в крестьянской семье в селе Микшино Бежецкого уезда Тверской губернии. В детстве он, кажется, ничем не отличался от своих братьев (в семье было шестеро детей)¹, разве только особой честностью и удивительной сердечностью, жалостью ко всем. Эти черты были свойственны ему и во взрослой жизни.

В дом родителей Николая Николаевича часто приходил местный юридивый, которого звали Ванька-малый. Однажды он вдруг неожиданно указал на семилетнего Колю и сказал: «Это монах, монах». Через 30 лет так и произошло!

Ванька-малый был не простым человеком. Игумен Никон рассказывал, как однажды они, мальчишки, спросили его: «Ванька, а почему ты дурак?» На что тот ответил: «Потому что Псалтирь на гармошку променял». Лишь позже поняли, какой глубокий смысл был в его ответе, указывающем на духовное состояние нашего народа. В другой раз он, подойдя к их матери Агафье и сложив руки воображаемой трубочкой, проиграл: «Дуру-дара, дуру-дара в Таганроге жизнь скончала». В то время, говорил отец Никон, никто из нас даже не слышал о таком городе. Но в 1930-е она действительно переехала к сыну Василию в Таганрог и там скончалась.

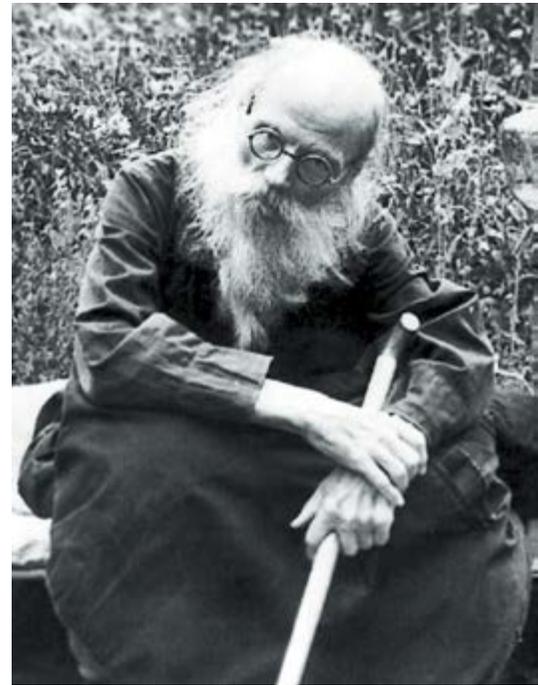
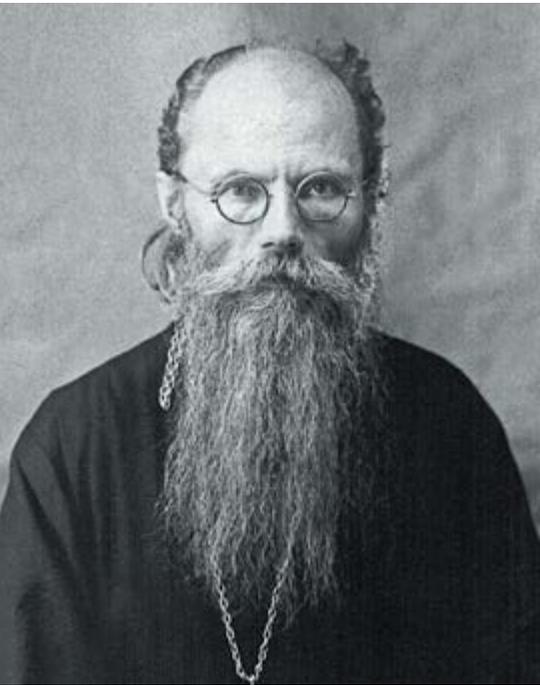
Семья, из которой вышел игумен Никон, была православной. Но вера эта, как и у большинства крестьян, носила в основном обрядовый характер. Знания о христианстве были самые

поверхностные. Приходская школа формальным, строго по учебнику сухим преподаванием Священного Писания и Закона Божия вызывала протест и приводила к тому, что эти уроки, по словам отца Никона, нередко «превращались в часы острот и кощунств».

Коля среди братьев и своих друзей выделялся не только замечательными способностями и разносторонними талантами. Он с юных лет не находил себе покоя, ища ответа на вопросы: для чего рождается человек и неминуемо умирает, в чем смысл его жизни, кому он нужен? И эти вопросы носили у него не отвлеченный характер, исходили не из праздного любопытства, а захватывали всю его душу.

В поисках истины

Поступая в училище, юноша был уверен, что науки откроют ему все тайны и смыслы человеческой жизни. Однако, проучившись несколько лет, увидел, что в естествознании волновавший его вопрос вообще не стоит и наука этой проблемой не занимается. Впоследствии он писал: *«Наука — ложь, когда ее данные принимают как нечто абсолютное, ибо завтрашняя наука будет отрицать сегодняшнюю; искусство — сознательная фальсификация по большей части; политика всегда была полна обмана, лжи, преступления, здесь все надо понимать наоборот; а то, что называют "жизнью", — суета сует, всяческая суета, а главное — ужасная мелочность, пустота, ложь и ложь без конца. Словом, "эпоха лжи", царство князя мира сего».*

Так наука отошла у него на второй план. Разочаровавшись в ней, он не опустил руки и в старших классах самым серьезным образом обратился к истории философии, начиная с древнегреческой, параллельно изучая древнегреческий язык. К своему великому сожалению, он и здесь, даже у великих греческих мыслителей, вместо ожидаемого единого твердого ответа на вопрос о смысле жизни нашел лишь различные, хотя по-своему интересные, рассуждения и идеи. А где же истина и есть ли она?

Обратившись затем к европейской философской мысли, чтобы более точно понимать мысли Канта, Гегеля, Ницше, Бергсона, неплохо освоил немецкий и французский языки, но, по существу, ничего нового, серьезного у них не нашел.

В училище, в надежде встретить, что искала душа, он много читал классиков русской и зарубежной литературы. А чтобы заработать на пропитание и одежду, давал уроки и писал сочинения отстающим богатым сокурсникам, ночами делал переводы — из дома ему никакой помощи не было.

Чем шире становился круг познаний, тем более он убеждался, что ни наука, ни философия, на которые возлагал столько надежд, не приблизили его к пониманию: «Зачем живет человек? Для вечной смерти? Значит, добро и зло, любовь и ненависть, истина и ложь, радость и страдания — все это только бессмысленный

миг ощущений тела? И все? Какая дьявольская пустота!»

«Изучение философии, — говорил он в конце жизни, — показало, что каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия — это суррогат, все равно что вместо хлеба давать жевать резину. Питайся этой резиной, но сыт будешь ли?»²

Разочарование в науках

В 1914 году, двадцати лет, Николай с отличием оканчивает реальное училище, так и не получив ответа на свой главный вопрос. Однако, разуверившись и в науке, и в философии, он предпринимает еще одну попытку — отыскать решение в Психоневрологическом институте в Петрограде.

И здесь его постигает уже не просто разочарование, но ощущение полной катастрофы. В программе института, оказывается, вообще нет дисциплины, занимающейся вопросами смысла жизни. Позже отец Никон говорил: «Я увидел: психология, психиатрия изучают вовсе не человека, не душу, а "кожу": настроения, переживания, ощущения, неврозы, стрессы и другие психические состояния и болезни. Они рассматривают только телесную сторону человека и даже не имеют понятия о душе как особой субстанции. Какой-то полный материализм. Такая чепуха, что это также оттолкну-

ло меня. Стало просто невыносимо». Окончив первый курс, Николай ушел из института.

За год до смерти он писал об этом: «Я на днях прочел, правда бегло очень, "Братья Карамазовы". Вот где раскрывается душа человеческая! Какой жалкой пародией кажется научная психология перед психологией Достоевского. Я когда-то был настолько наивен, что хотел познать душу, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости, когда нет у тебя руководителя. Я действительно был как в лесу. Князь мира сего так ослепляет людей, что слепые ходят ощупью, а потому постоянно попадают из одной лужи в другую».

Вернувшись из института летом 1915 года в Вышний Волочёк, он однажды поздно вечером, размышляя о своих безуспешных исканиях, вдруг ощутил состояние полной безысходности. Наступил серьезный духовный кризис. Состояние было столь тяжелым, что начала даже приходиться мысль о самоубийстве.

И неожиданно в сознании промелькнуло как молния: а что, если действительно есть Бог? Должен же Он открыться! И юноша, неверующий, от всей глубины своего существа в отчаянии воскликнул: «Господи, если Ты есть, то откройся мне! Я ищу Тебя не для каких-нибудь земных, корыстных целей. Мне одно только надо: есть Ты или нет Тебя?»

Божественное откровение

И... Господь открылся.

«Невозможно передать, — говорил отец Никон, — то действие благодати, которое убеждает в существовании Бога с силой и очевидностью, не оставляющей ни малейшего сомнения у человека. Господь открывается так, как, скажем, после мрачной тучи вдруг просияет солнышко: ты уже не сомневаешься, солнце это или фонарь кто-нибудь зажег. Так Господь открылся мне, что я припал к земле со словами: "Господи, слава Тебе, благодарю Тебя! Даруй мне всю жизнь служить Тебе! Пусть все скорби, все страдания, какие есть на земле, сойдут на меня, — даруй мне все пережить, только не отпасть от Тебя, не лишиться Тебя"».

Долго ли продолжалось это состояние — час, два... — он точно не помнил. Но когда поднялся с колен, то услышал мощные, размеренные, уходящие в бесконечность удары церковного

колокола. В первый момент он не придал этому значения, полагая, что звонят в монастыре, который был неподалеку. Но звон не прекращался, хотя было уже за полночь.

Потом он узнал, что многим во время подобных Божественных откровений Господь являет и внешние знаки Своего присутствия для большего удостоверения.

Так открыл Себя Бог тому, кто искал Его всеми силами своей души, и дал *вкусить и увидеть*, что Он *есть* и что Он *благ*.

***

Вот что рассказал отец Никон о своей жизни после этого откровения.

«И когда человек вот так придет, припадет ко Господу: "Господи, сам я ничего не знаю (на самом деле, что мы знаем?), делай со мной что хочешь, только спаси", — тогда в дальнейшем уже Господь ведет человека сложным путем, очень сложным. Я был поражен, когда после такого откровения Божия вошел в церковь. И раньше ведь приходилось: и дома заставляли ходить, и в средней школе нас водили в церковь. Но что там? Стоял как столб, не интересовался, занимался своими мыслями, и все.

Но когда после обращения сердце немного открылось, то в храме первое, что мне вспомнилось, — это предание о послых князя Владимира, которые, когда вошли в греческую церковь, уже не знали, где находятся: на земле или на небе. И вот первое ощущение в церкви после пережитого состояния, что человек — не на земле, что Церковь — не земля, это кусочек неба. Какая радость была слышать: "Господи, помилуй!" Это просто неизмеримо действовало на сердце: все богослужение, постоянное воспоминание имени Божия в разных формах, песнопениях, чтениях. Это вызывало какое-то восхищение, радость, насыщало...»

После этого Николай снял комнатку в частном доме. И Господь повел его. «Повел так, что я после этого года два в Волочке жил, занимался с книгами, молился дома». Эти два года жизни (1915–1917) были у него временем «горения сердца» (ср. Лк. 24, 32), настоящего подвижничества.

За тонкой перегородкой — пляски, пение, смех, игры молодежи, там веселились. Приглашали и его. Но он не видел и не слышал того, что делалось вокруг.

Здесь он впервые по существу познакомился с Евангелием, с творениями святых отцов. *«И только у святых отцов и в Евангелии я нашел действительно ценное. Когда человек начнет бороться с собой, будет стремиться идти путем евангельским, то ему святые отцы сделаются необходимыми и своими, родными. Святой отец — уже родной учитель, который говорит душе твоей, и она воспринимает это с радостью, утешается. Как тоску, уныние, рвоту вызывали эти философии и всякие сектантские гадости, так, наоборот, как к родной матери приходил к отцам. Они меня утешали, вразумляли, питали.*

Потом [в 1917 году] Господь дал мысль поступить в Московскую духовную академию. Это много для меня значило», особенно лекции отца Павла Флоренского. Но через год академия закрылась.

«Затем Господь устроил так, что я еще несколько лет мог пробыть в Сосновицах [Тверская губерния] один, в уединении». Здесь он преподавал в средней школе математику, имея небольшое количество часов. Однако после того, как отказался подчиниться распоряжению преподавать в самый день Пасхи, его уволили.

Переезд в Москву, начало служения

В 1925 году Николай Николаевич переехал в Москву, устроился псаломщиком в Борисоглебском храме (не сохранился). Близко сошелся с настоятелем храма священником Николаем

Семеняко (в монашестве Феофаном; † 1937), которого вскоре возвели во епископа и направили в Минск, куда они уехали вместе.

В Минске 5 апреля (по н. ст.) 1930 года, в Вербное воскресенье, епископ Минский Феофан совершил монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, ученика преподобного Сергия. Через день отец Никон был рукоположен во иеродиакона. А на второй день Рождества Христова 1932 года — во иеромонаха тем же епископом.

Можно только преклониться перед силой веры и ревности по Христу тех немногих верных Ему, которые оказались способными в то лютое время гонений на Церковь пойти на такой шаг. Это был прямой путь на Голгофу.

Арест и ссылка

Пятого апреля (по н. ст.) 1933 года отец Никон был арестован и сослан в Сибирь на пять лет строить будущий Комсомольск-на-Амуре. О том, что там перенесли заключенные, невозможно без содрогания слушать, читать, вспоминать. После освобождения отец Никон почти ничего не рассказывал — за ним была непрерывная слежка. Лишь в письме от 5/IV 1962 года он поделился воспоминанием об этом периоде своей жизни:

«Сегодня, [как и] 5/IV — 30 г., было Вербное воскресенье. Я получил новое имя. А через три года, тоже 5/IV — 33 г., я был verhaftet [нем. "арестован"]. Это было действительно отречение от всего. Наше поколение (их уже мало в живых) буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!»

В 1937 году священник был освобожден из лагеря, и его с риском для себя принял в Вышнем Волочке в свой дом³ отец его товарища по реальному училищу, очень авторитетный в городе хирург Михаил Львович Сергиевский (1872–1955; вечная ему память!). Его самоотверженное заступничество неоднократно спасало отца Никона от последующих арестов.

При доме была усадьба площадью более гектара. На ней священник своими руками

посадил огромный фруктовый сад с разными плодовыми и огородными культурами. Объем работ, выполненный им, поражает.

Обращение в веру семьи Сергиевских

Но неизмеримо большие трудности пришлось отцу Никону пережить при взаимодействии с женой хирурга Александрой Ефимовной и ее сестрой Еленой, тоже врачами. Обе они были убежденными атеистками и в открытой, часто саркастической форме выражали свое отношение и к христианству, и к монаху-прислуге. Здесь иеромонаху Никону пришлось пройти еще один суровый курс науки терпения, который оказался спасительным для обеих сестер. Об этом говорит следующая замечательная запись в дневнике Елены Ефимовны:

«30 мая 1940 года. Еще после смерти сестры, Александры Ефимовны, явилось у меня желание описать ее болезнь и смерть и то, что она частично открывала нам о себе. Пусть то, что я расскажу, послужит во славу Божию.

Сестра моя была неверующая всю свою жизнь. Идеи сестры насчет веры, Бога и религии были типичны для интеллигента ее времени. Она относилась нетерпимо ко всему, что касалось религии, и возражения ее часто носили циничный характер. В эти годы в нашем доме жил Николай Николаевич (отец Никон). Я всегда страдала от ее тона и не любила, когда Николай Николаевич затрагивал эти вопросы. Любимым возражением сестры на все доводы Николая Николаевича были слова: "Написать-то все можно, все книги о духовном содержат одно вранье, которое только бумага терпит".

Она безнадежно заболела (рак желудка) и не переставала глумиться над верой, стала очень раздражительной, потеряла сон, аппетит и слегла в постель... Николай Николаевич провел электровзвонку к ее изголовью. Он сидел по ночам в комнате больной.

Приехала из Ленинграда жена старшего сына больной — Е. В., но она недолго погостила. Ей больная рассказывала о своем видении. Видела она, как в комнату вошли семь старцев, одетые в схиму. Они окружили ее с любовью и доброжелательством и сказали: "Пусть она его молитвами увидит свет!" Николай Николаевич запретил говорить "его молитвами",

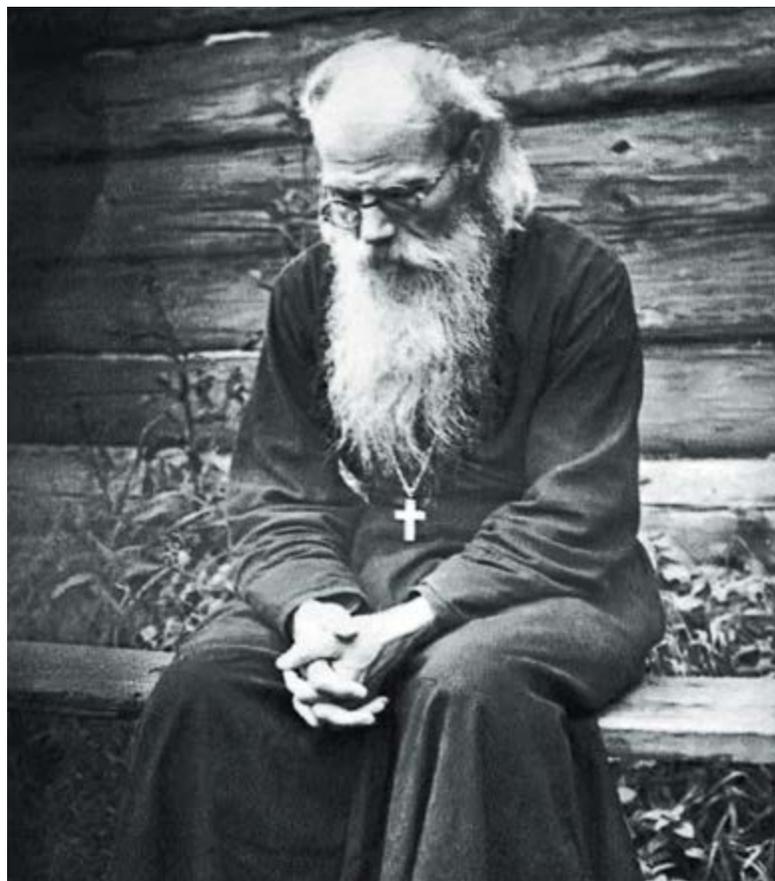
а Е. В. утверждала, что больная говорила именно так. Это явление повторилось несколько раз.

Тогда больная сестра обратилась к Н. Н. с просьбой об исповеди и Причастии.

Она не говела сорок лет. Просьбу больной Н. Н. выполнил сам, и видения прекратились. В душе больной совершился перелом: она стала добра и кротка со всеми. Стала ласкова. Эта перемена чрезвычайно поразила домашних и всех знавших ее.

Н. Н. рассказывал, что после Причастия она рассуждала с ним о том, что если бы это галлюцинации были, то почему же они сразу прекратились после Причастия Святых Таин и повторялись несколько раз до него? Ум ее работал до последнего вздоха...»

О самой Елене Ефимовне отец Никон рассказывал неоднократно. Он говорил, что она, уверовав, так каялась, как еще никто в его священнической практике. Это было стенание из глубины души. Она стала такой ревностной христианкой, что приняла монашеский постриг с именем Серафима. Когда в 1950 году она скончалась, то ее, врача, как в те времена было

принято, хоронили торжественно, но никто не знал, что под подушкой в гробу лежали мантия, параман и четки.

13/X 1950 года батюшка писал: «...вчера вернулся из Волочка. Там умерла Елена Ефимовна, которую знает мать Валентина, меня вызвали телеграммой. Я ей обещал похоронить ее и обещание исполнил. Она много доброго сделала для меня. Прошу всех поминать ее».

Служения отца Никона

С открытием церкви отец Никон сразу приступил к священнослужению. В 1944 году он был назначен настоятелем Благовещенского храма города Козельска Калужской области. Он жил в маленькой комнатухе (5–6 кв. м), отгороженной тесовой перегородкой, в доме у монахинь, которые перебрались сюда после закрытия монастыря в селе Шамордино, расположенном в 18 километрах от Козельска.

Приступив к священнослужению, отец Никон стал усиленно искать религиозную литературу, которая еще оставалась в некоторых семьях. Так собралась библиотечка богослужебных, богословских и даже религиозно-философских книг. Особенно ревностно он искал и покупал («за любые деньги») творения святителя Игнатия (Брянчанинова).

В 1948 году, после серии переназначений с прихода на приход, его направили в Вознесенский храм города Гжатска (сегодня Гагарин). Сюда он приехал, имея старую зимнюю рясу одного оптинского иеромонаха, поношенный теплый подрясник, который через некоторое время сжег ввиду полной его ветхости, летнюю рясу с двумя-тремя летними подрясниками и несколько алюминиевых ложек и вилок. Это было все его имущество. Позже он перевез сюда из Козельска свою библиотеку.

В Гжатске до назначения отца Никона Литургия совершалась только по воскресным дням и большим праздникам. Он ввел ее также в среду, пятницу и субботу. При этом часто проповедовал, иногда даже в будни. Его проповеди всегда производили большое впечатление, что было одной из главных причин гонений на него со стороны властей и переводов с одного прихода на другой. В проповедях он часто цитировал святых отцов, призывал к покаянию, внимательной молитве, снисхождению к недостаткам и грехам ближних, взаимному прощению.

К богослужению отец Никон относился очень внимательно, запрещал неразборчивое чтение канонов, стихир, молитв, особенно во время крещений, отпеваний, панихид, когда приходили и невоцерковленные люди. Однажды даже остановил виртуозное чтение

шестопсалмия заезжим артистом. Не любил концертное, громкое пение.

Мог приостановить службу, если громко плакал, шумел ребенок, и просил выйти. Не позволял детям бегать по храму, объяснял, что ребенок, которого не приучают к благоговейному поведению в храме, едва ли сможет стать христианином, хотя бы его и причащали постоянно.

Игумен Никон и дома, и в городе, в том числе в Москве, и даже работая в огороде, всегда был в подряснике, но никогда не одевал монашеской мантии, клобука. Он говорил, что эта форма естественна в монашеской обители, на приходе же она делает монаха «иконой», предметом нездорового почитания, вредного и ему, и всем. У многих верующих, говорил он, и само Православие нередко сводится к внешней обрядности.

Постоянным занятием игумена Никона было чтение святых отцов, ими он жил, их словами объяснял евангельские и апостольские чтения, истины христианской веры и жизни. Иногда читал некоторые богословские, религиозно-философские сочинения, которые привозил кто-либо, изредка художественную литературу, например Ф. М. Достоевского.

Отец Никон предупреждал: «Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской

и сектантской литературой, а русские люди очень падки на все заграничное и окончательно погибли бы». Теперь приходится убеждаться в справедливости этих слов.

Особенно много и тщательно изучал он творения святителя Игнатия (Брянчанинова), которого настоятельно рекомендовал всем как лучшего духовного наставника нашего времени. И часто повторял его мысль, что верное понимание Священного Писания и духовной жизни находим только в согласном учении святых отцов, а не в разного рода умствованиях богословов, тем более католических и протестантских.

Некоторым давал читать творения древних отцов, которые имелись у него в библиотеке: аввы Дорофея, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Марка Подвижника, Варсонофия Великого и др.

Наставления игумена Никона

Постоянно призывал он к молитве, особенно обращая внимание на то, как нужно молиться: «Человек должен в каждой молитве, как бы он ни вдохновился, какое бы восхищение в молитве Господь ни дал человеку, он должен молиться в основе как мытарь: "Боже, будь милостив мне, грешному". К этому искренно надо прийти, и из этого состояния должна исходить всякая наша молитва. Это и есть начальное смирение, именно начальное.

Храм Вознесения
Господня в Гжатске

Благовещенский
собор, г. Козельск

Отсюда исходит еще другое, о чем я должен сказать как о самом важном. Человеку необходимо почувствовать не умом и не только сердцем, а всем своим существом, с головы до пят, непостижимую ни для человека, ни для ангелов любовь Божию. Он должен благодарить Бога, славословить Его, преклоняться пред Ним, пред Господом, за Его великую милость и любовь. Он должен бы желать не только быть распятым рядом с Ним и перенести все, но быть растерзанным на куски, и не только растерзанным, а терзаемым всю жизнь. Вот как он должен себя чувствовать. А мы, окаянные, не можем и малейшей скорби терпеть, даже самой малейшей.

Поэтому первыми словами молитвы и поставлены Церковью слова "Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе", то есть: слава, благодарение Тебе, Господи, за Твою милость, за Твою любовь, за снисхождение, за то, что Ты, Господь, Творец вселенной, пред Которым трепещут все ангелы, снизошел до того, что позволяешь нам называть Тебя своим Господом и обращаться к Тебе, молиться Тебе».

Игумен Никон говорил, что в тюрьмах, несправедливостях, в гонениях от власти и собратий, в болезнях, в самых трудных обстоятельствах жизни он всегда находил утешение и радость в молитве Иисусовой. Поэтому часто повторял слова святителя Игнатия (Брянчани-

нова): «*Всем христианам можно и должно заниматься молитвою Иисусовою с целью покаяния и призывания Господа на помощь*»⁴.

Эта молитва была постоянной у отца Никона, что неожиданно открылось всем. Однажды он так угорел в бане, что потерял сознание. И когда его несли на носилках, то окружающие с удивлением слышали, как он, не приходя в себя, непрерывно произносит молитву «*Господи, Иисусе Христе, помилуй мя*». Особенно поражены были медработники скорой помощи.

Духовное завещание игумена Никона

За десять дней до своей кончины он из последних сил говорил с собравшимися о том тяжелом заблуждении в духовной жизни, которое некогда испытал сам и от которого предостерегал каждого, делясь воспоминанием в качестве «*психологической иллюстрации духовной жизни из уст уже умирающего человека*» в надежде, что это, «*может быть, кому-то послужит на пользу*».

«И там [в Сосновицах] жил по подвижнически: ел кусок хлеба, тарелку пустых щей. Картошки тогда не было почти. И при этой, так сказать, настоящей подвижнической жизни (теперь можно все сказать) я весь день находился в молитве — в молитве находился и в посте. И вот тут-то я понял духовную жизнь, вну-

треннее состояние, Господь открыл действие в сердце молитвы.

Я думал, что Господь и далее устроит меня куда-нибудь в деревню, в какой-нибудь домишко-развалюшку, где я мог бы продолжать такую же жизнь. Хлеба мне было вот, с пол-ладони достаточно, пять картофелин (я уже привык) — и все.

Но Господь не устроил этого!

Кажется, почему бы? А для меня понятно. Потому что в самой глубине души выросло мнение о себе: вот как я подвижнически живу, уже понимаю сердечную молитву. А какое это понятие? Это одна миллиардная доля того, что переживали святые отцы. Я говорю вам, чтобы вы немножко поняли.

И вместо такого уединения Господь устроил так, что я в самую грязь попал, чтобы я вывалялся в ней, понял, что я сам ничто, и припал бы к Господу и сказал: "Господи, Господи, что я? Только Ты наш Спаситель".

Я познал, что Господь так устраивает потому, что нужно человеку смириться. Кажется, ясно? Но вот совсем-то для человека и не ясно это, оказывается. После этого принял монашество, был в лагере, вернулся — и все равно привез высокое мнение».

Этот глубокий самоанализ, вскрывающий важнейшее препятствие на пути духовной жизни человека, искренне стремящегося стать ревностным христианином, может оказаться актуальной наукой для весьма многих. Подвиги, монашество, служение ближним, даже страдания за веру, если все это не приводит к смирению, познанию того, «что я сам ничто», если не очищает души от главной и самой губительной страсти — гордости, высокого мнения о себе, то оно не только бесполезно, но и может стать гибельным для человека.

Об этом игумен Никон постоянно говорил и писал⁵, приводя нередко слова святого Исаака Сирина: «без смирения и дела бесполезны, даже

уготавливают нам много худого»⁶; «Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны»⁷.

В своем Завещании он кратко напоминает о самом насущном в христианской жизни: «Очень прошу всех родных и близких твердо держаться православной христианской веры и прилагать до смерти все усилия ко спасению души через исполнение евангельских заповедей и частого... исповедания грехов и причащения. В течение моей жизни я находил утешение в самых тяжких обстоятельствах и искушениях лютых — в вере в Господа Иисуса Христа и в молитве.

Прошу жалеть и любить друг друга, помогать взаимно в материальной и духовной нужде. Где мир и любовь — там Бог, там радость и спасение, а вражда и зависть от диавола.

Спасайтесь.

И. Никон.

13 августа 1963 года».

¹ Его младшими братьями были: Александр (1895–1988), Михаил (1899–1982), Василий (1903–1961), Владимир (1906–1985). Старший брат Иван скончался в отрочестве.

² Здесь и далее цитируется с магнитофонной записи.

³ Он еще цел и находится на улице Островская линия, 13.

⁴ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М.: Паломник, 2014. Т. 2. С. 190.

⁵ Его письма переиздавались множество раз в разных форматах на русском и иностранных языках под разными названиями:

Никон (Воробьев), игумен. Нам оставлено покаяние. М., 2010.

Внимай себе: Сб. писем. М., 2010. Как жить сегодня. М., 2011. О началах

жизни. М., 2013.

Письма о духовной жизни. М., 2013.

Духовный азбуковник. Путь ко спасению — покаяние. М., 2017.

Переводы (см. сайт alexey-osipov.ru):

на английский: *Orthodox Spiritual Letters by Igumen Nikon Vorobiev*;

на немецкий: *Orthodoxe spirituelle Buchstaben von Hegumen Nikon*

(Worobjow); на французский: *Higoumene Nikon Vorobiev. Lettres spirituelles.* Paris, 2015.

⁶ *Исаак Сирин, св.* Слова подвижнические. М., 1848. Сл. 46. С. 289.

⁷ Там же. Сл. 34. С. 217.